

Дж. У. Джонс

Накануне войны: национальная советская выставка в Кабуле, апрель–май 1979 г.

В мае 1979 г. англоязычная афганская газета “Kabul Times” писала о том, что «Великий Вождь афганского народа» Нур Мухаммед Тараки посетил национальную выставку СССР вместе с премьер-министром Хафизуллой Амином, дабы отметить первую годовщину «непобедимой Саурской [Апрельской] революции»¹. Целью выставки, имевшей, согласно одному из советских донесений, «огромный пропагандистский эффект», было «показать народу Демократической Республики Афганистан (далее — ДРА. — Дж. У. Д.) быт советского народа, продемонстрировать достижения советского государства в области экономики, культуры и науки ... [и] рассказать о новой Конституции СССР, ленинских заветах мирного сосуществования и борьбе Советского Союза за мир во всем мире и международное сотрудничество»². Это была первая советская национальная выставка, организованная в Афганистане — стране, недавно присоединившейся к коммунистическому лагерю. В то же время нельзя не отметить участие СССР в проводившихся ранее Международных ярмарках в Кабуле в 1956, 1958 и 1966 г., а также организацию там Промышленной ярмарки в 1977 г. Эта статья, основывающаяся на двух архивных делах фонда 635 (Торгово-промышленная палата СССР) Российского государственного архива экономики, посвященных выставке 1979 г., ляжет в основу раздела нашей книги «Дым, зеркала и воспоминания: различные восприятия советско-афганской войны. 1979–2012» (“Smoke, Mirrors, and Memories: Varying Perceptions of the Soviet-Afghan War, 1979–2012”). Статья посвящена советской национальной выставке в Кабуле и ее значению в месяцы, предшествовавшие советско-афганской войне. В частности, нам бы хотелось остановиться на обстоятельствах, при которых проходила выставка, обращая особенное внимание на растущую обеспокоенность коммунистического правительства ДРА ширящимся вооруженным

*Джеффри У. Джонс,
доцент,
Университет
Северной Каролины
(Гринборо, США)*

повстанческим движением в сельской местности. Кроме того, необходимо осветить уже начавшуюся в то время информационную войну, выразившуюся в многочисленных отзывах посетителей выставки, касающихся религиозных вопросов.

Выставка территориально заняла два помещения павильона, общей площадью 60 кв. м (что рассматривалось как показатель сравнительно небольшой, но достаточный), и открытую зону между ними площадью 100 кв. м. Комплекс располагался в восточной части Кабула. Выставка включала самые разные экспозиции, среди которых были: экспозиция, иллюстрирующая прогресс советской космической программы, включая действующий космический спутник; экспозиция, посвященная автомобильному транспорту; экспозиция, демонстрирующая сельскохозяйственное оборудование; экспозиция современного промышленного оборудования; геологическая экспозиция; выставка советской медицины; выставка книг и литературы; выставка бытовых приборов, игрушек и т. д. Кроме того, Таджикская ССР организовала собственный павильон, который пользовался известной популярностью у посетителей — несомненно, благодаря значительной доле этнических таджиков в населении ДРА (и особенно самого Кабула, как наиболее многонационального города страны). Все главные государственные газеты и радиостанции приглашали посетителей на выставку на дари и пушту — двух самых распространенных языках государства. Стоимость организации выставки составила 151 500 рублей. По подсчетам советской стороны, количество посетителей превысило 100 000 человек³.

Несмотря на приподнятый тон информационных сообщений, выставка проходила в ситуации чрезвычайной нестабильности в стране. Всего лишь годом ранее Афганистан пережил так называемую «Апрельскую революцию», которая на самом деле была открытым военным переворотом с целью свержения правительства Мухаммеда Дауда (сам Дауд, так же как и многие его родственники и сторонники, был убит во время переворота), организованным Народно-Демократической партией Афганистана (далее — НДПА). Приурочивание советской стороной выставки к годовщине этого переворота было одним из способов демонстрации поддержки установленного в Афганистане коммунистического режима. В то же время, 1 февраля 1979 г., всего лишь за 2,5 месяца до начала выставки, произошла революция на территории западного соседа Афганистана — Ирана, однако революция совершенно иного свойства. Ознаменовавшись триумфальным возвращением в страну аятоллы Хомейни, она привела к установлению в Иране в начале апреля шиитского фундаментально-исламистского режима. В результате целая волна афганских рабочих покинула Иран, обосновавшись на западе Афганистана в районе Герата. В середине февраля террористы левого политического толка (не имевшие, впрочем, никакого отношения к НДПА) организовали похищение и убийство американского посла Адольфа Дабса. Дабс погиб во время штурма отеля в центральной части Кабула, когда его безуспешно пытались освободить афганское правительство, однако эта трагическая смерть прошла практически незамеченной на фоне бурных событий в Иране.

Более того, несмотря на праздничное настроение после переворота, ситуация в самом Афганистане была далека от нормальной. НДПА, первоначально созданная в 1965 г. при содействии Советского Союза, вскоре разделилась на два крыла: «Парчам» (пушт. «знамя» или «флаг»), многонациональную группу, где доминировала городская интеллигенция под руководством Бабрака Кармаля, и «Хальг» (пушт. «народ»), объединяющее в первую очередь пуштунов, под началом Нура Мухаммеда Тараки и Хафизуллы Амина. «Парчам» и «Хальг» объединились в середине 1970-х гг. с целью свержения правительства Дауда, договорившись о последующем разделе власти. Однако вскоре идеологические противоречия вновь всплыли на поверхность, приведя к расколу НДПА; Тараки возглавил государство, а Амин — ХАД (секретную полицию), занявшись кровавой чисткой рядов сторонников «Парчам» после «революции». В недавно вышедшей книге Родрика Брейтуэйта, который занимал пост британского посла в СССР в 1980-х гг., например, говорится: «Внутри НДПА бушевала кровавая междоусобица; произвольные аресты и казни приняли огромный размах»⁴. Кармалю удалось выжить лишь благодаря тому, что он покинул Афганистан с помощью связей в СССР, став послом ДРА в Чехословакии. Террористические методы Амина вышли далеко за пределы верхушки «Парчам», затронув простых мирных жителей, которые осмеливались осуждать новое коммунистическое правительство и его политику. Таким образом, выставка проходила на фоне политического террора внутри Афганистана.

С другой стороны, проведению выставки сопутствовал рост протестных настроений против установленного коммунистического режима. В марте 1979 г., всего лишь за месяц до открытия выставки, события в Герате вышли из-под контроля. Сообщалось, что крестьяне из отдаленных деревень, приведенные в негодование правительственным декретом о совместном обучении, выступили в поход на город с оружием в руках. Городские жители содействовали им в расправе с местным губернатором и другими чиновниками НДПА. Некоторые, без сомнения преувеличенные, мнения утверждают о не менее чем сотне погибших советских консультантов и членов их семей, однако Брейтуэйт убедительно доказывает, что погибших было только трое. Что же касается афганских коммунистов и их сторонников, то самым красноречивым показателем является тот факт, что большая часть войск гарнизона Герата сразу же переметнулась на сторону повстанцев. Тараки запросил вторжения советских войск, выразив мысль о предпочтительности представителей таджикской и других национальностей. Будучи представленными как в СССР, так и в Афганистане, они могли быть «замаскированы» под солдат афганской армии, чтобы не вызывать ощущения интервенции. Политбюро ЦК КПСС отклонило запрос, согласившись взамен предоставить дружественному афганскому режиму поддержку военным снаряжением для подавления мятежа. Повстанцы удерживали Герат в течение недели, пока верные НДПА войска не заняли город. Однако беспорядки продолжились распространяться. В конце апреля, уже во время выставки в Кабуле, афганские солдаты уничтожили несколько сотен мужчин в деревне Керала провинции Кунар

в ответ на нападения повстанцев. В начале мая пожар восстания полыхал уже в шести провинциях, включая столичную, в то время как выставка продолжала свою работу.

Первый секретарь Политбюро ЦК КПСС Л. И. Брежнев не затронул открыто этих проблем в своем письме к афганскому народу, в котором приглашал его посетить выставку и поздравлял с годовщиной «Апрельской революции». Брежнев писал, что он «желает афганскому народу успехов» в его «революционных преобразованиях» и «обустройстве новой жизни». Однако письмо намекает и на обеспокоенность угрозами коммунистическому пути развития Афганистана: «Советский народ, — заявляет Брежнев, — с глубоким одобрением наблюдает за революционными переменами в Афганистане во имя интересов рабочих всего мира, так же как и за борьбой за укрепление достижений Апрельской революции против интриг внутренней контрреволюции и внешних врагов»⁵. В одном из советских донесений по поводу выставки отмечается, что большинство посетителей выставки — жители столицы, «так как в связи с активизацией контрреволюционных выступлений Кабул закрыт для прибывающих из провинции»⁶. Существовало также опасение, что явное советское присутствие во время годовщины революции могло быть неправильно воспринято афганцами. Исполняющий обязанности заместителя министра информации и культуры ДРА тов. Нурзай сообщил Юрию Валькову, главному советскому пресс-атташе, ответственному за проведение выставки, что «широкая публикация советских материалов в течение празднования годовщины Апрельской революции (до 2 мая) была бы неблагоприятной». Нурзай даже рекомендовал не распространять плакатов, приглашающих посетить выставку, до этого дня, объясняя это тем, что «контрреволюционные силы могут использовать их в неблагоприятных целях»⁷. Таким образом, становится очевидным, насколько коммунистические лидеры ДРА были обеспокоены эффективностью пропаганды против советского присутствия в стране в то бурное время.

Замечание Нурзая также указывает еще на один ключевой момент: в то время как собственно боевые действия лишь только предстояли, информационная война уже шла полным ходом. Это особенно хорошо прослеживается в письменных отзывах, оставленных посетителями выставки, многие из которых сообщают о важности религии в Афганистане, так же как и о восприятии религиозной свободы в СССР. Несомненно, при оценке этого источника нам необходимо принимать во внимание социальный состав посетителей выставки. В основном это были вестернизированные городские жители (мы уже отмечали превалирование жителей Кабула среди посетителей), большинство из которых, вероятно, были положительно предрасположены к новому режиму и самому СССР. На фотографии посетителей выставки можно увидеть 15–20 человек (в основном мужчин), одетых в европейскую одежду — среди них нет мужчин в традиционных халатах или женщин в паранджах⁸. В одном из донесений говорилось, что посетителями было оставлено более чем 100 000 отзывов (все они, как утверждалось, были сугубо позитивными) — приблизительно по одному на человека, что так-

же позволяет сделать вывод о чрезвычайно высоком уровне грамотности⁹. Это важно иметь в виду, учитывая, что в одном из исследований информационной обеспеченности было отмечено: в связи с высоким уровнем неграмотности населения, радиостанции Афганистана передали десять сообщений о выставке на дари и пушту¹⁰. Вдобавок, к донесению были подшиты лишь около двухсот переведенных отзывов, что недвусмысленно говорит об избирательности составителей подборки. Таким образом, мы получаем лишь одностороннее освещение информационного противостояния: чрезвычайно маловероятно, чтобы сторонники разрастающихся группировок моджахедов посещали выставку, поэтому возможность выяснения их мнения сильно ограничена.

Тем не менее, отзывы посетителей чрезвычайно любопытны и красноречивы, они обнаруживают значительный интерес к экспозиции Таджикистана, в частности, его стенду в секции «Мусульмане в СССР», организованной Советом по делам религий при Совете Министров СССР, пользовавшемуся, судя по фотоальбому выставки, «огромным интересом посетителей»¹¹. Стенд экспонировал различную религиозную литературу, включая копии Корана, опубликованного в СССР в 1977 г., работы имама Хаджи аль-Бухари, фотографии мечетей и памятников архитектуры в мусульманских регионах СССР, 600 экземпляров журнала «Мусульманский Восток» (на дари), а также материалы о гарантировании Конституцией СССР свободы совести¹². Саид Махбуб, обозначивший себя как кассир Коллективного Сельскохозяйственного Банка Афганистана, оставил многословный отзыв об экспозиции. «Мне нравится, — пишет он, — что Советский Союз защищает религию, и я убежден, что этот вопрос намного лучше разрешен в СССР, нежели в мусульманских государствах». Махбуб определенно был впечатлен красивыми изданиями религиозных книг, в том числе Корана, и фотографиями мечетей в СССР. «Каждый посетитель, — пишет он, — уходит с уверенностью, что в Советском Союзе существует полная свобода религии, а верующие находятся под защитой государства». Лишь силы «международной реакции и империализма, а также их неудачливые марионетки, — продолжает он, — подрывают усилия Советского государства в области религии. К счастью, такие люди были давно разоблачены и вышвырнуты на свалку мировой истории»¹³.

Резкий выпад Махбуба демонстрирует общее место этих отзывов: способность их авторов «говорить по-советски», несмотря на явно несоветский религиозный настрой. В продолжение своих слов Махбуб пишет: «Мы, афганский народ, доказали наш революционный дух, выразив солидарность с советским народом и народами всего мира, и мы продолжим борьбу против империализма до полной победы»¹⁴. Мухаммед Паджман, высокопоставленный чиновник Министерства торговли ДРА, «выразил пожелание дальнейшего развития сотрудничества и дружбы СССР и Афганистана с целью скорейшего уничтожения империализма»¹⁵. Даст Мамад, работник афганской правительственной организации, выразил надежду на то, что «афганский народ будет возносить молитвы к Аллаху за нерушимость дружбы

СССР и Афганистана»¹⁶. Журналист Абдул Шукир заявил, что узлы, связавшие СССР и Афганистан, «станут лишь сильнее в борьбе с объединенными силами внутренней контрреволюции и империализма»¹⁷. В своем многословном отзыве студент четвертого курса Кабульского университета Мухаммед Ашраф Байят описал свои впечатления от таджикской экспозиции, которые он разделил со своим другом: «Я увидел собственными глазами, как живут мусульмане в Советском Таджикистане. Нам всегда говорили, что в СССР мусульман приговаривают к пыткам. Но после того, как мы посетили выставку, мы убедились, что эти клеветнические обвинения буржуазной пропаганды лживы, потому что Советский Таджикистан публикует больше религиозной литературы, чем другие мусульманские государства. Мечети всегда открыты для верующих, и разрешены свадьбы по исламскому обряду». Он добавляет, что антисоветские «реакционные» взгляды «лишены оснований», и обещает «поделиться этими впечатлениями» со своими товарищами, «чтобы убедить их не верить лживой буржуазной пропаганде»¹⁸.

Было множество похожих отзывов. Двое рабочих, Мухаммед Усман и Саид Хатан, писали, что после посещения советской выставки «мы убеждены, что мусульмане-граждане Таджикистана живут свободно. Когда мы собственными глазами увидели религиозные книги, особенно Коран, мы были очень рады»¹⁹. Анонимный отзыв отмечает, что «Советская Конституция гарантирует свободу совести, и поскольку религия имеет в Афганистане глубокие культурные корни, свобода вероисповедания мусульман в Советском Союзе имеет значительное влияние и на афганских мусульман»²⁰. Мамад Умар, студент из Джурджана, сделал длинную запись о свободе совести в Советской Конституции и о том, какое уважение окружает мусульман в СССР под руководством КПСС. «У мусульман СССР, — пишет он, — есть собственные организации и мечети, которые свободно функционируют без контроля правительства». В 1977 г. он посетил Узбекистан и «своими глазами» видел, что там существует свобода вероисповеданий. «Я убедился, что грязная империалистическая клевета об отсутствии свободы религии в СССР не соответствует действительности»²¹. Еще одна запись констатирует, что «экспозиция понравилась нам в основном благодаря тому, что она обнажила бесстыдную ложь врагов религии. Враги ислама, — заключает автор, — пытаются посеять раздор и вражду между верующими»²². Одни отзывы используют характерные обороты советской фразеологии об «уничтожении империализма», тогда как другие фокусируют внимание на религии, в некоторых случаях даже обещая «возносить молитвы Аллаху» за сохранение добрососедских советско-афганских отношений, а некоторые и вовсе смешивают советский «новояз» с высказываниями религиозного характера.

Как недвусмысленно отмечается в некоторых из записей, вопросы религии чрезвычайно важны для афганского народа, даже для тех людей, кто был предрасположен к поддержке коммунистического режима (а именно они были наиболее вероятными посетителями выставки). Помимо выводов из рассмотренных нами выдержек из источников,

важно учесть, что большинство авторизованных отзывов исходит от государственных чиновников, рабочих и студентов. Некоторые из авторов явно оппонировали антисоветской и антикоммунистической пропаганде, обращаясь к религии. «Нам всегда говорили, что в СССР мусульмане обречены на пытки», — пишет студент университета, правда, не уточняя, кто именно говорил. Как и некоторые другие авторы, сейчас он увидел «собственными глазами» (чрезвычайно распространенный речевой оборот), что это неправда, и клянется бороться против «лживой буржуазной пропаганды» среди своих товарищей. Из источника очевидно, что антисоветская и антикоммунистическая пропаганда с акцентом на религиозные вопросы была достаточно успешной среди афганцев; это может объяснять и сопротивление властей ДРА открытому советскому присутствию во время празднования годовщины «Апрельской революции». В основе всего лежал вопрос, насколько точно была передана посетителям картина «свободы вероисповедания» в Таджикистане (и в целом в СССР). За исключением, вероятно, того, что видел студент, лично побывавший в Узбекистане, то, что посетители выставки якобы увидели «собственными глазами», во все не обязательно отражало реальность, то есть наличие религиозной свободы в СССР в конце правления Л. И. Брежнева, особенно принимая во внимание тот факт, что сама организация выставки была предпринята в первую и главную очередь с пропагандистскими целями.

В месяцы, последовавшие за выставкой, геополитическая ситуация в Афганистане и за его границами продолжила ухудшаться. Благодаря интервью 1998 г. французской газете бывшего советника по национальной безопасности США Збигнева Бжезинского, мы знаем, что в разгар беспорядков в июне 1979 г. президент США Джимми Картер подписал декрет о выделении полумиллиона долларов на поддержку афганских повстанцев, втянув, таким образом, в конфликт Соединенные Штаты, что лишь сильнее дестабилизировало ситуацию в последующие месяцы и годы. В конце июня несколько тысяч человек впервые вышли на демонстрацию против режима на улицы Кабула; многие из них представляли хазарейское этническое меньшинство и были вооружены ножами, винтовками и пулеметами. Месяцем позже повстанцы предприняли попытку захвата Гардеза, центра провинции Пактия, убив при этом двух советских консультантов. В начале августа в древней крепости на окраине Кабула поднял мятеж гарнизонный батальон; неделей позже повстанцы нанесли тяжелый урон пехотной дивизии, сохранявшей верность правительству, причем часть выживших примкнула к повстанцам²³. К концу лета правительство контролировало едва ли половину территории страны. Когда “Kabul Times” сообщила в мае о том, что «Великий Вождь» Нур Мухаммед Тараки и премьер-министр Хафизулла Амин вместе посетили советскую выставку, никто не мог и предположить, что к концу года оба они будут мертвы. Амин «устранил» Тараки в сентябре, спровоцировав, таким образом, вторжение советских войск, приведшее через три месяца к гибели самого Амина. Лидер «Парчам» Бабрак

Кармаль заменил его на посту главы государства. Эти события привели к началу десятилетней советско-афганской войны. Советская выставка, состоявшаяся в Кабуле накануне войны в апреле – мае 1979 г., оказалась первой и последней на территории Афганистана. Свидетельства о ней представляют для нас научный интерес, обнаруживая опасения правительства ДРА по поводу разраставшегося вооруженного восстания в сельской местности и уже шедшей информационной войны, что очевидно из отзывов посетителей выставки о религиозной экспозиции²⁴.

¹ Kabul Times. 1979. May 19th // Российский государственный архив экономики (далее — РГАЭ). Ф. 635. Оп. 1. Д. 1715. Л. 2 об.

² Там же. Д. 1678. Л. 19, 27.

³ Там же. Л. 5, 24.

⁴ Braithwaite R. Afgantsy: The Russians in Afghanistan. 1979–1989. Bungay, 2011. P. 53.

⁵ РГАЭ. Ф. 635. Оп. 1. Д. 1715. Л. 2.

⁶ Там же. Д. 1678. Л. 8.

⁷ Там же. Л. 75.

⁸ Там же. Д. 1715. Л. 5.

⁹ Там же. Д. 1678. Л. 9.

¹⁰ Там же. Л. 24. — Автором упомянутого исследования был коммерческий директор выставки М. Князев.

¹¹ Там же. Д. 1715. Л. 8.

¹² Там же. Д. 1678. Л. 9, 157. — Более подробно о популярности стенда «Мусульмане в СССР» см. также л. 10.

¹³ Там же. Л. 17–18.

¹⁴ Там же. Л. 18. — Отзыв Махбуба повторяется на л. 192–193.

¹⁵ Там же. Л. 163.

¹⁶ Там же. Л. 167. — См. аналогичный отзыв о молитве Аллаху на л. 173.

¹⁷ Там же. Л. 168.

¹⁸ Там же. Л. 180.

¹⁹ Там же. Л. 181. — Больше отзывов от людей, которые были счастливы увидеть Коран, см.: Л. 188.

²⁰ Там же. Л. 184. — Другой, анонимный автор отмечает: «Свобода религии в СССР особенно приветствуется афганским народом» (Л. 190). См. аналогичные отзывы: Л. 191–192.

²¹ Там же. Л. 186.

²² Там же. Л. 188. — См. аналогичные отзывы: Л. 189–190.

²³ Hyman A. Afghanistan under Soviet Domination. 1964–1982. London, 1982. P. 126, 149, 152.

²⁴ Очевидно, что у СССР было намерение провести куда больше выставок. В. И. Лабзин, глава Советской комиссии по национальным выставкам, жаловался в своем донесении, датированном июлем 1979 г., что главным упущением множества полученных им отзывов был «недостаток рекомендаций по совершенствованию выставок, которые будут проводиться [в Кабуле] в последующие годы» (РГАЭ. Ф. 635. Оп. 1. Д. 1678. Л. 3). Тем не менее, этот вопрос остается дискуссионным.

УДК 94(47).084.9

Джонс Дж. У. Накануне войны: национальная советская выставка в Кабуле, апрель–май 1979 г. // Новейшая история России. 2014. № 2 (10). С. 97–105.

АННОТАЦИЯ: Эта статья посвящена советской национальной выставке в Кабуле 1979 г. и ее значению в месяцы, предшествовавшие советско-афганской войне. В частности, акцент сделан на обстоятельствах, при которых проходила выставка. Статья, основанная на двух архивных делах фонда 635 (Торгово-промышленная палата СССР) Российского государственного архива экономики, посвященных выставке 1979 г., ляжет в основу части раздела нашей книги «Дым, зеркала и воспоминания: Различные восприятия Советско-афганской войны. 1979–2012» (“Smoke, Mirrors, and Memories: Varying Perceptions of the Soviet-Afghan War, 1979–2012”). Цель выставки, имевшей, согласно одному из советских донесений, «огромный пропагандистский эффект», заключалась в том, чтобы «показать народу Демократической Республики Афганистан быт советского народа, продемонстрировать достижения советского государства в области экономики, культуры и науки ... [и] рассказать о новой Конституции СССР, ленинских заветах мирного сосуществования и борьбе Советского Союза за мир во всем мире и международное сотрудничество». Советская выставка в Кабуле накануне войны в апреле – мае 1979 г. оказалась первой и последней на территории Афганистана — стране, недавно присоединившейся к коммунистическому лагерю. Свидетельства о ней представляют для нас научный интерес, обнаруживая опасения правительства Демократической Республики Афганистан по поводу разраставшегося вооруженного восстания в сельской местности и уже шедшей информационной войны, что очевидно из отзывов посетителей выставки о религиозной экспозиции.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Кабул, советская выставка 1979 г., советско-афганская война.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: доцент, Университет Северной Каролины (Гринсборо, США); jwjones@uncg.edu

Jones J. W. On the Eve of War: The National Soviet Exhibit in Kabul, April – May 1979

ABSTRACT: Based on two files about the 1979 exhibit in the Russian State Archive of the Economy (RGAE), this paper, which will form part of a chapter in the book I am writing entitled “Smoke, Mirrors, and Memories: Varying Perceptions of the Soviet-Afghan War, 1979–2012”, discusses the Soviet National Exhibit in Kabul and its meaning in the months leading up to the Soviet-Afghan War. The goal of the exhibit, which according to one Soviet report had a “huge propagandistic effect,” was “to show the people of the Democratic Republic of Afghanistan the lifestyle of the Soviet people, the achievements of the Soviet state in the realms of the economy, culture, and science... [and] to describe the new Soviet constitution, Leninist policies of peaceful co-existence, and the struggle of the USSR for eternal peace and international cooperation”. Specifically, I want to set the context of the times in which the exhibit was held. Consequently, the National Soviet Exhibit held on the eve of war in Kabul in April-May 1979 would prove to be the only one ever in Afghanistan, and it is very interesting and revealing regarding the Afghan government’s caution toward the growing armed rebellion in the countryside and the propaganda conflict already underway, especially as seen in the comments about religion by Afghan visitors to the exhibit.

KEYWORDS: Kabul, Soviet Exhibit 1979, Soviet-Afghan War.

AUTHOR: Associate Professor (UNC-Greensboro, USA); jwjones@uncg.edu

REFERENCES:

¹ Braithwaite R. *Afgantsy: The Russians in Afghanistan. 1979–1989* (Bungay, 2011).

² Hyman A. *Afghanistan under Soviet Domination. 1964–1982* (London, 1982).